

Опьяняющий алкоголь быстро ударил в голову, вызывая все большее головокружение и трудности с фокусировкой взгляда. Покачнувшись, он упал назад, и Цзы Си протянул руку, чтобы поддержать его, но коснулся лишь шелковистого рукава Мо Ина.

И Цунчжоу уже мягко обнял Мо Ина, прижав его к своему плечу.

— Как ты?

Мо Ин, как и любой пьяный, ответил:

— Я не пьян.

С трудом поднявшись, он почувствовал жар и, закатав рукав, обнажил руку, кожу которой можно было сравнить с чистым нефритом, ослепительно белой и нежной.

Юань Цзяоянь скользнул взглядом по присутствующим, и все, дрожа, опустили головы, боясь даже взглянуть в его сторону.

Мо Ин, почувствовав на себе этот взгляд, вздрогнул и пробормотал:

— Живой Янь-ван, чего ты такой злой?

Морщинки у глаз Юань Цзяояня углубились.

— Как ты меня назвал?

Мо Ин потер глаза и надавил на виски.

— А тебе какое дело, как я тебя называю?

Его взгляд был рассеянным, словно наполненным весенней водой. Из-за недавнего кашля, вызванного алкоголем, его глаза были слегка покрасневшими, а лицо покрылось румянцем, напоминая спелый персик.

Чувствуя сильный жар, он потянул за одежду, обнажив безупречную шею, на которой тут же появилось алое пятно, явное при свете ламп.

Белое переходило в розовое, розовое — в красное, красное — в прозрачное.

И в воздухе витал слабый аромат свежего цветочного сока.

Юань Цзяоянь смотрел на него с глубоким взглядом, а улыбка на его лице была поглощена тьмой в глазах.

— Маленький бамбук, пора вытащить третью карточку.

Мо Ин, чувствуя себя совершенно потерянным, подчинился и вытащил третью карту.

— Поцелуй невесту.

Он произнес это медленно, затем, сделав паузу, спросил:

— Кто должен поцеловать?

Его тело становилось все более расслабленным, и И Цунчжоу, который сначала лишь слегка поддерживал его, теперь полностью обнял.

Юань Цзяоянь прямо посмотрел на них.

Их взгляды встретились в воздухе, и оба сохраняли спокойствие, но под этой внешней невозмутимостью скрывалась буря.

Другие чиновники, которые сначала смотрели на это как на развлечение, внезапно почувствовали мощную ауру убийства, заставившую их опустить головы и не решаться даже заговорить.

Они знали ответ: конечно, один из гостей должен был поцеловать невесту.

Мо Ин уже почти не мог думать, внутренне ругая Живого Янь-вана за то, что тот, вероятно, подстроил это, чтобы открыто поцеловать своего маленького демона-соблазнителя на свадебном пиру!

Это было невыносимо, и он решил действовать первым. В конце концов, на карточке не было указано, что жених не может поцеловать.

Он был так близко к И Цунчжоу, что это было удобно для его плана.

Алкоголь придавал ему смелости, и, не чувствуя обычной застенчивости, он с решимостью взял лицо И Цунчжоу в свои руки и поцеловал его в губы.

Почувствовав мягкость и сладость, он лизнул их.

И Цунчжоу вздрогнул всем телом, опустив взгляд на закрытые глаза Мо Ина и густые, как вороново крыло, ресницы, которые дрожали.

Юань Цзяоянь, наблюдая за их действиями, уже не улыбался.

— Ну, все, — первым отпустил Мо Ин, заметив, что И Цунчжоу держит его слишком крепко, и ему пришлось немного постараться, чтобы освободиться. — Похоже, время уже пришло. Давайте закончим с этим свадебным весельем. Разделись, поцеловались, чего еще хотите...

Сюэ Чжунго, стоя у входа во внутренний двор, почувствовал горечь.

Властные министры, император, вынужденный подчиняться, явно не желая этого, но вынужденный унижаться, как актер, развлекающий других.

Это было невыносимо!

— Князь-регент, — Сюэ Чжунго пробился через толпу и встал перед Юань Цзяоянем. — Время пришло, нельзя задерживаться. Пожалуйста, уйдите, пора остановиться.

Юань Цзяоянь даже не взглянул на него, его взгляд следил за Мо Ин, который, чувствуя себя плохо, схватился за голову и полностью прижался к И Цунчжоу, крепко держа кошку в руках.

— В таком случае, я не буду задерживать благоприятный момент.

Он первым вышел из внутреннего двора, за ним последовали остальные, и вскоре во дворе остались лишь несколько слуг.

Перед уходом Сюэ Чжунго с печальным лицом вздохнул:

— Генерал Чанпин, позаботьтесь об императоре.

И Цунчжоу попытался помочь Мо Ин войти в комнату, но тот, как угорь, извивался и не подчинялся.

В конце концов, он поднял Мо Ина на руки и положил на красное свадебное одеяло.

Сзади Цзы Си держал коробку для жребия, его спина постепенно выпрямилась, и он молча смотрел на закрытую дверь.

— Цунчжоу? Мы... в брачной комнате? — Мо Ин, совершенно не осознавая происходящего, просто радовался, что избавился от Живого Янь-вана, и, хлопая по одеялу, улыбался:

— Давай, брачная ночь.

Перед свадьбой нужно было совершить омовение и зажечь благовония, поэтому дополнительно мыться не требовалось. И Цунчжоу попросил Цзы Си принести таз с водой, но не позволил ему войти, оставив его снаружи.

Сам он принес воду и вытер лицо и руки Мо Ина, заметив, что под шеей тоже появилась легкая испарина, и не пропустил ни одного места.

Щеки Мо Ина были ярко-красными, его рука лежала на лбу, и, внезапно открыв глаза, он бросил косой взгляд, полный бесчисленных очарований.

И Цунчжоу на мгновение замер.

— Цунчжоу, почему ты не приходишь в брачную комнату? — Мо Ин перевернулся и снова взял лицо И Цунчжоу в свои руки. — Не двигайся.

Дыхание с запахом алкоголя коснулось шеи И Цунчжоу, его мутные глаза напоминали чистый родник. После этих слов он слегка прикусил губу, сделав их еще более яркими.

Красота его была неопишуемой.

И Цунчжоу наклонился, чтобы снять с него головной убор, затем сел за стол. Он не смотрел на Мо Ина, но его обоняние и слух невольно тянулись к нему, полностью захватывая его внимание. Он машинально взял стакан с вином, но, боясь пропустить дыхание Мо Ина, снова поставил его.

— Цунчжоу, Цунчжоу.

Свет погас, в комнате горели лишь две красные свечи, и в полумраке голос Мо Ина заставлял И Цунчжоу чувствовать, как мурашки бегут по спине, а кости становятся мягкими.

— Цунчжоу, я хочу пить.

В этот момент раздался стук в дверь.

— Ваше Величество, я приказал приготовить отвар от похмелья, он стоит за дверью.

И Цунчжоу, немного подумав, дождался, пока шаги удалятся, и принес теплый отвар.

Подняв верхнюю часть тела Мо Ина, он усадил его на кровать и начал поить маленькими глотками.

От воды губы стали еще более сочными, блестящими.

И Цунчжоу вспомнил, как однажды, падая с утеса, он вблизи увидел губы Мо Ина.

Он приближался, и его губы коснулись щеки И Цунчжоу.

Он понял, что Мо Ин делал это, чтобы передать ему воздух, но в своих снах он снова и снова видел, как те губы приближались.

И Цунчжоу отвел взгляд, положил Мо Ина и встал, чтобы убрать чашу.

— Цунчжоу, скажи, мы ведь поженились, и Юань Цзяоянь теперь не будет так нагло себя вести, правда? У него есть какие-то скрытые намерения по отношению к тебе, и даже если ты теперь мой, нельзя расслабляться. Он даже предложил выпить с нами свадебный бокал, возможно, он просто извращенец, который любит отбирать жен у племянников.

Услышав о том свадебном бокале, И Цунчжоу остановился.

За спиной раздался шорох одеяла, вероятно, Мо Ин снова лег спать.

И Цунчжоу намеренно не смотрел на него, но даже без зрения его разум сам рисовал картину того, что происходило за спиной.

Мо Ин, несомненно, лежал с распущенными волосами, излучая невероятную красоту, но при этом оставаясь наивным и ничего не понимающим.

— Цунчжоу, Цунчжоу, почему ты не ложишься спать? Давай, быстрее, ты теперь мой, и я собираюсь тебя наказать.

И Цунчжоу уже сдерживался, но голос сзади, чистый и мягкий, продолжал звать, проникая в его разум и достигая сердца.

Цунчжоу, Цунчжоу.

Это было невыносимо.

И Цунчжоу медленно встал и сел на кровать, а Мо Ин взял его за руку.

— Поднимайся, ты слаб, нельзя не спать всю ночь.

Сказав это, он попытался подняться, чтобы развязать ленту И Цунчжоу, и легкий аромат алкоголя смешался с его естественным запахом, исходящим от рукавов, волос и пальцев.

Даже этот слабый аромат мог опьянить человека, который обычно не пьянел.

И Цунчжоу уложил беспокойного Мо Ина обратно на кровать и, не зная, что делать, снял верхнюю одежду, распустил волосы и лег на самый край кровати. Обычно он спал аккуратно, но теперь его движения были неестественно скованными, и он лежал так близко к краю, что мог упасть при малейшем движении.

— Почему ты так далеко? Подвинься ближе. — Мо Ин, хоть и пьяный, сохранял базовое понимание ситуации. Внезапно он нахмурился и сказал:

— Цунчжоу, у меня чешется попа.

И Цунчжоу замер.

— Попа чешется, почеси мне.

Мо Ин медленно подполз к нему, и, видя, что рука И Цунчжоу не двигается, сам почесал пару раз, но без особого успеха, поэтому схватил его пальцы и направил вниз.

Шелковая одежда скользила, и, когда пальцы коснулись мягкой и упругой талии Мо Ина, И Цунчжоу крепко схватил его руку.

<http://bllate.org/book/15421/1364239>